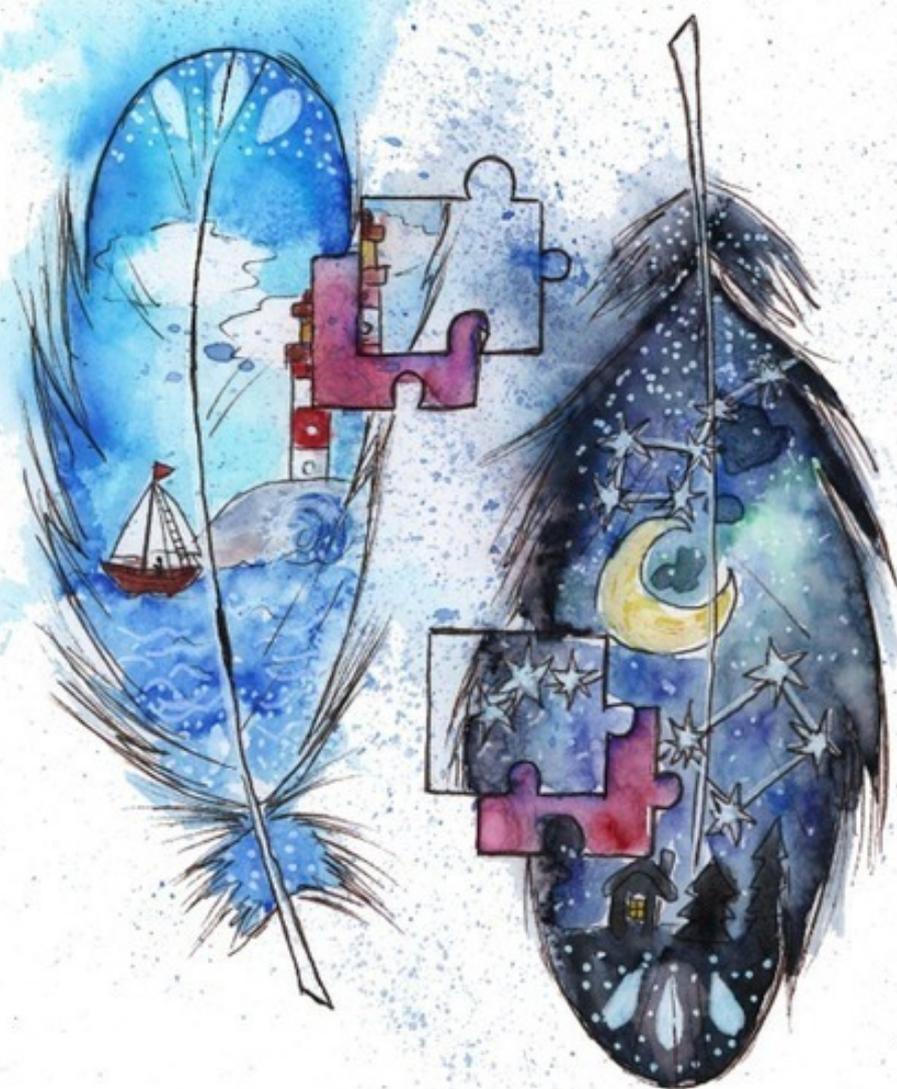

Точка равновесия

Лариса Захарова

**Точка равновесия.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Захарова Л.

Точка равновесия. Сборник рассказов / Л. Захарова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512714-3

Тсс, вы слышите, как покачнулись весы мироздания и мировой баланс нарушился? Отныне всё кажется не тем, чем является. Под маской любви прячется страх одиночества, жажда славы обернулась отзывчивостью, а в справедливость больше никто не верит — её облик украли лицемерие. Тьма и свет, добро и зло, надежда и боль — всё смешалось, сбивая людей с верного пути, уводя их в сумрак. Счастливый мир рушится, и на его обломках вот-вот прорастут отчаяние и безысходность. Звучит безнадежно, правда?

ISBN 978-5-00-512714-3

© Захарова Л.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Не было бы счастья...	7
Часть 1	7
Часть 2	9
Часть 3	11
Часть 4	14
P.S.	16
За стеклом	17
1	17
2	19
3	21
4	24
Тайна серой планеты	26
Глава 1	26
Глава 2	28
Глава 3	29
Глава 4	32
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Точка равновесия

Сборник рассказов

Авторы: Захарова Лариса, Фомина Юлия, Болдырева Евгения, Чернышова Екатерина, Павлова Дарья, Шефер Алина, Шереметьева Екатерина, Калинина Елена, Ворожейкина Евгения, Довгулёва Александра, Статкевич Татьяна

Редактор Анастасия Таммен

Редактор Анастасия Позднева

Редактор Виктория Иконникова

Оформление обложки Александра Довгулёва

Корректор Людмила Позднева

© Лариса Захарова, 2020

© Юлия Фомина, 2020

© Евгения Болдырева, 2020

© Екатерина Чернышова, 2020

© Дарья Павлова, 2020

© Алина Шефер, 2020

© Екатерина Шереметьева, 2020

© Елена Калинина, 2020

© Евгения Ворожейкина, 2020

© Александра Довгулёва, 2020

© Татьяна Статкевич, 2020

ISBN 978-5-0051-2714-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Тссссс, вы слышите это? Вы слышите, как покачнулись весы мироздания и мировой баланс нарушился?

Отныне всё кажется не тем, чем является. Под маской любви прячется страх одиночества, жажда славы обернулась отзывчивостью, а в справедливость больше никто не верит – её облик украло лицемерие.

Тьма и свет, добро и зло, надежда и боль – всё смешалось, сбивая людей с верного пути, уводя их в сумрак.

Друзья становятся врагами, любимые предают, близкие уходят, не обернувшись...

Счастливый мир рушится и на его обломках вот-вот прорастут отчаяние и безысходность.

#

Звучит безнадежно, правда?

#

Но не всё так грустно, поверьте. В этой книге таится великая сила – сила Слова, которая может восстановить гармонию в нашей общей Вселенной, стоит только найти ту самую, заветную точку равновесия.

Где искать её, решать вам, дорогие читатели. Может быть, в любви, или в понимании, или в дружеской поддержке и надежде на лучшее – равновесие восстановится, как только вы ответите на самые важные свои вопросы.

Итак, вы готовы спасти мир, снова сбалансировать его и открыть новые, неизведанные ещё границы?

Тогда оставьте позади сомнения и следуйте за нами.

Не было бы счастья...

Лариса Захарова @larisa_zhr

Часть 1

Было темно. За окном завывал ветер, бросал пригоршни сухого мелкого снега в стекло. Снег, ударяясь колко, отскакивал и ссыпался с лёгким песчаным скрежетом. «Надо бы задёрнуть шторы», – подумала Ксения, но так и осталась сидеть на полу, вытянув ноги и прижавшись спиной к холодной стене.

В детской заплакала Вика. «Надо подойти, – Ксения сидела не шевелясь, – сколько сейчас времени?» Она пошарила рукой по полу, наткнулась на телефон: 2:32.

Медленно поднялась, шаркающей, старушечьей походкой побрела в комнату дочери.

Вика никогда не кричала требовательно и громогласно, как большинство младенцев, она хныкала потихоньку, деликатно напоминая о себе. Ксения подхватила малышку под тёплые подмышки, прижала на мгновение к себе, зарылась в ароматную макушку, потом ловко переодела, покачала, убаюкивая. Малышка засопела, доверчиво прижавшись к маминой груди. Ксения с дочкой на руках монотонно ходила по комнате: шаг, второй, третий, поворот, шаг, второй, третий, поворот. Она не в силах была выпустить ребёнка – он был спасением, удерживал в этом мире, не давая сойти с ума.

Сколько времени прошло? Два часа? А кажется, что целая жизнь! Только два часа назад её муж, её Костя, сказал, что уходит.

– Куда, Кость? – Ксения гладила детские вещи. Она привыкла все домашние дела делать поздним вечером, когда дочка уже спала.

– Совсем ухожу, – Костя чертил пальцем по столу, повторяя рисунок скатерти.

– Ну что ты такое говоришь? – Ксения вздохнула, присела на краешек стула напротив Кости. – Ты просто устал, мы оба устали.

– Ксень, понимаешь, я не могу так больше! Это невыносимо! – Костя взглянул на жену и сразу отвёл глаза.

Вика родилась в срок, они вместе ждали малышку, готовились. Костя каждый день фотографировал Ксению, говорил, что ей идёт беременность и что нужно будет обязательно повторить. Он печатал её портреты и развешивал их по стенам. Она и правда была хороша: мягкий взгляд огромных, в пол-лица, глаз, завитки светлых с золотым отливом волос, тёплая, направленная куда-то внутрь себя улыбка.

– Костя, а ничего, что девочка? – смущённо улыбалась Ксения.

– Глупышка, она будет такой же красавицей, как мама! Ух, как я буду любить нашу малышку!

«Ты моя красавица! – Ксения смотрела на новорождённую дочь, затаив дыхание, боясь её разбудить, сердце бухало от счастья, в носу щипало – такая маленькая, а уже ресницы! А носик папин, ровный, аккуратный! Щёчки такие гладенькие! И дышит так тихо. Тихо... Она же не дышит!»

– Помогите! – крик, сиплый, еле слышный, с трудом протиснулся в горло. – Кто-нибудь, помогите!

Соседка по палате встрепенулась:

– Что? Что случилось?

– Она не дышит! – выдохнула Ксения и, собравшись с силами, закричала что есть мочи: – Помогите!

Ксения стояла под дверью реанимации сутки, врачи гнали её, дежурная санитарка уводила в палату: «Иди, дочка, поспи, нечего тебе здесь стоять!» Ксения кивала, но возвращалась обратно. Она заоченела, застыла и, кажется, забыла как дышать.

Утром доктор позвал её в кабинет. Ксения присела на краешек стула, взглянула с надеждой:

– Что с моей дочкой, доктор?

– Сейчас всё нормально, только диагноз надо уточнять, боюсь, что обрадовать вас не могу.

Женщина ссутулилась, сгорбилась на стуле, в одно мгновение превратившись в старушку в свои неполные двадцать шесть.

«Как я скажу Косте? Он так ждал малышку! Боже, как мне его жалко!» – Ксения не разрешала себе плакать. Она училась пеленать, кормить и ухаживать за дочкой, каждый миг прислушивалась к её дыханию.

Дома, когда Костя, умиляясь, агукал над малюткой, Ксения не выдержала:

– Костя, – она с трудом проглотила тугой ком в горле, – Кость...

Слёзы полились враз потоком.

– Что ты, Ксюнь? – Костя перепугался, всполошился, заметался, не зная, куда деть ребёнка.

– Наша дочка, она... – Ксения, захлёбываясь рыданиями, всё рассказала.

– Ну что ты, что ты? Всё будет хорошо! Мы с тобой справимся! – Костя присел рядом, одной рукой держал дочку, другой обнял жену. Он гладил её по плечу, уговаривал, успокаивал.

Они долго сидели обнявшись, Ксения изредка всхлипывала, а Костя всё шептал и шептал ей самые нужные, самые правильные слова. Малышка Виктория спокойно спала у папы на руках.

Ксения впервые с рождения дочери расслабилась, успокоилась и задремала, уткнувшись в тёплое и такое надёжное плечо мужа.

Каждую минуту Ксения отдавала дочери, соблюдала жёсткое расписание: специальная гимнастика, потом массаж, уколы, лекарство каждый час, опять массаж, упражнения. Иногда мимоходом, проходя, видела в зеркале чьё-то отражение, останавливалась и с трудом узнавала в уставшей, с потухшими глазами женщине себя. Костя пропадал допоздна, стараясь заработать побольше, в редкие выходные помогал с малышкой.

В последнее время напряжение отпустило, самые плохие прогнозы врачей не сбылись. Вика сидела и пробовала ползать, росла сообразительной, быстро всё схватывала.

Вчера дочке исполнилось восемь месяцев. Ксения из блинчиков соорудила на скорую руку символический торт, украсила его вареньем и даже свечку воткнула. Они сидели втроём на кухне, ели блинчики, слизывали варенье с пальцев, смеялись над перепачканной мордашкой дочки. Это было вчера...

Ксения теснее прижала к себе девочку, слёз не было: «Что он там говорил? Я растворилась в ребёнке, никого не замечаю? И его, Костю, тоже? Что хочет жить? Что хочет радоваться, а не эту вот рутину?»

Она поцеловала дочку в тёплый носик, положила в кроватку. Та повернулась на бок, смешно подложив под щёку кулачок, совсем как отец.

Ксения обхватила себя за плечи, зябко поёжилась, подошла к окну, метель не унималась, ветер горстями швырял снег в окно.

«Замёрзнет. Без шарфа ушёл и шапку, как всегда, забыл. Не заболел бы».

Часть 2

Длинные гудки. Ксения непрерывно набирала номер мужа, механический голос раз за разом просил перезвонить позднее. Костя не отвечал уже сутки. Ксения поставила на плиту кашу и тут же забыла о ней, замерев у окна. Загудел лифт, остановился. Она прислушалась, бросилась к двери, распахнула, выскочила на лестничную площадку – никого. В квартире остро и горько запахло горелым. Ксения метнулась на кухню, обжигаясь, схватила кастрюльку, зашипела от боли – всё валилось из рук. Она то замирала, то начинала суетливо прибираться, бросала на половине, играла с дочкой и снова цепенела, гипнотизируя телефон.

Дочка уже спала. Ксения стояла у окна неподвижно, смотрела на огни в соседних домах, на машины, снующие по дороге, и не понимала, как они могут жить, когда у неё жизнь совсем остановилась, замерла, не движется. Время, как черепаха, ползло еле-еле, кажется, что прошёл час, посмотришь на циферблат – всего две минуты. Звонок раздался неожиданно, оглушил. Ксения вздрогнула, непонимающе оглянулась, увидела светящийся экран телефона, встрепенулась, бросилась к нему через всю комнату:

– Костя, Костенька, где ты? – Ксения шёпотом кричала в трубку.

– Ксень, я же сказал, что ухожу! Ты не поняла, что ли? – Костя говорил резко, раздражённо.

– Ну как же это? А Вика? А как же я, Кость? – Ксения сразу сникла, ссутулилась, ждалась вся.

– Деньги давать буду. К Вике приду. А ты теперь сама как-нибудь! – произнёс он твёрдо и ровно.

– Я люблю тебя, Кость, – чуть слышно прошептала Ксения. Щёки горели, будто по ним сильно, наотмашь отхлестали.

Костя то ли не расслышал, то ли не захотел услышать. Связь оборвалась. Ксения опустила бессильно руки, села на край дивана, уставилась безжизненными глазами в пол. Маленькая раздавленная женщина в тёмной комнате.

Она сидела долго. Думала о чём-то? Нет. Голова была пустая. Вика завозилась в своей кровати, Ксения взяла её на руки, прижала к себе, прилегла на диван и, слушая сонное тёплое дыхание дочки, забылась сном.

Через час очнулась, будто кто-то ткнул в бок. В квартире было тихо, Вика сопела рядом. Ксения потёрла затёкшие руки и... реальность сразу, без подготовки, обрушилась на неё, придавила, расплющила. Женщина скорчилась на диване, вой, жуткий, нечеловеческий вой рвался из горла. Она, боясь разбудить малышку, зажималась, давилась им, кусая край подушки. «Ушёл! Сбежал! Бросил! Самый любимый, самый родной человек! Как жить-то?!» – Ксения кричала, кричала без звука, всем существом, каждой клеточкой.

Они были вместе всю взрослую жизнь, познакомились в день её шестнадцатилетия. Ксения с девчонками гуляла в парке, был май, в тот год зацвело всё буйно и разом, и воздух был такой, что его можно в банки разливать и зимой открывать, чтобы подышать счастьем. На лавочке сидели ребята, играли на гитарах и что-то напевали. Девчонки подошли послушать, быстро перезнакомились, смеялись и болтали, а Ксения молчала, она во все глаза смотрела на высокого длинноволосого парня. Он неторопливо перебирал струны длинными сухими пальцами и напевал чуть хриплым голосом. Поднял глаза – и всё. Больше их порознь не видели. Десять лет вместе.

Остаток ночи Ксения мерила шагами квартиру: «Что же делать? Поговорить! Нам надо поговорить!» – мысль прочно поселилась в её голове.

Ксения усадила дочку обедать. Поглощённая мыслями о разговоре с мужем, она зачёрпывала овощное пюре и, не глядя, скармливала малышке ложку за ложкой. Вика удивлённо тарасилась на маму, было странно обедать в полной тишине.

– Папа, – девочка лукаво прищурилась и улыбнулась.

– Что? – Ксения от неожиданности уронила ложку. – Повтори, дочка!

– Папа, – малышка разулыбалась и потянула к маме ручки.

– Вика, солнышко, ты разговариваешь! – Ксения засмеялась от счастья. Врачи опасались, что у девочки повреждена зона мозга, отвечающая за речь, и вот она заговорила! Первое осознанное слово! А значит, она будет говорить! Ксения подхватила малышку на руки и закружилась с ней по кухне. – Ура! Ты разговариваешь!

Она прижала к себе дочку и звонко расцеловала в тугие щёчки:

– Пойдём-ка расскажем папе! Давай собираться!

Ксения вымыла волосы и долго до блеска их расчёсывала, подкрасила ресницы, глаза засияли: «Когда я это в последний раз делала – не помню!» – тронула румянами скулы. Попыталась влезть в джинсы, но нет, фигура пока не позволяла, пришлось натянуть привычные тёплые штаны и пуховик. Покрутилась перед зеркалом: «Если сбросить немножко, то буду совсем красотка, – улыбнулась своему отражению. – Всё у нас будет хорошо!»

Она посадила дочку в коляску и отправилась дожидаться Костю около работы. Ксения рассказывала Вике, как сейчас папа увидит их и скажет, что очень соскучился, а они сообщат ему новость, он рассмеётся от счастья и всё у них будет как прежде.

Ксения встала в арке так, чтобы сразу увидеть Костю. Она приплясывала от нетерпения, время от времени смешивала дочку и корча ей рожицы.

Костя вышел... не один. Он шёл рядом с девушкой, нежно обнимая её за талию. Её Костя улыбался другой и проникновенно смотрел в глаза особенным взглядом. Он открыл девушке дверь машины, обнял её, нежно поцеловал кончик носа, бережно усадил, обернулся, улыбаясь, и... увидел Ксению. Глаза мгновенно стали колючими и злыми. Он обошёл машину, в упор, тяжело взглянув на жену с дочкой, сел за руль и уехал.

Ксения не могла пошевелиться, ноги будто приклеились к земле. Вика завозилась, закапризничала. Ксения автоматически подхватила дочку на руки, так, одной рукой прижимая к себе девочку, другой толкая вперёд коляску, поплелась домой.

Дома она, намыливая руки, взглянула на себя в зеркало и не узнала: кто эта женщина, вроде молодая, но такая старая? На мертвенно-бледном лице большие глаза побитой собаки. «Ещё ресницы накрашила! Дура! Какая же ты дура! – выплюнула она в своё отражение. Плеснула ледяной водой, тушь потекла чёрным, сделав лицо почти уродливым. – Ненавижу!» Кулаком со всей мочи прямо в это дурное незнакомое лицо – закричала, завывала. Зеркало треснуло, задрожало и осыпалось остро. Хлынула кровь из разбитой руки. Хлынули слёзы. Дочка, испугавшись, заплакала. «Иду, моя девочка, иду, моя хорошая!» – проглотив рыдания, Ксения наскоро умылась, замотала руку полотенцем и пошла к дочери.

Часть 3

– Да, хорошо, мы придём, – Ксения опустила руку с телефоном. Звонили из медицинского центра напомнить о приёме.

Этого врача все очень рекомендовали, называли волшебником, запись к нему огромная, наконец-то получится показать ему дочку. Когда-то давно, в прошлой жизни, Костя искал знакомых, чтобы их подвинули в очереди, радовался, что получилось. Когда-то... Костю она больше не видела. Он звонил, но она не могла с ним разговаривать: она умирала каждый раз, когда думала о нём, говорить не было сил.

– Что, Вика, будем собираться? – Ксения продолжала сидеть, безвольно опустив руки, последнее время она всё делала на автомате и очень быстро уставала.

Малышка вопросительно посмотрела на неё и по-особенному, сидя, ловко подгребая одной ногой и подтягивая другую, поползла к двери, покопалась в куче обуви, выудила свои ботиночки и принесла маме.

– Умница моя, – Ксения посадила дочку на колени, прижалась к ней, впитывая тепло.

Ксения привычно натянула свои тёплые прогулочные штаны, с удивлением посмотрела: «Чьи это брюки? Вроде мои! Почему же так велики?»

Она зашла в спальню, где стояло зеркало в полный рост. Ксения не была в этой комнате с момента, как Костя ушёл, спала на диване рядом с дочкой. Там, в глубине зеркала, стояла и смотрела на неё какая-то совершенно незнакомая женщина, очень худая, болезненно худая, с огромными глазами на измождённом осунувшемся лице. Подошла ближе, провела по отражению рукой, будто стирая. Пальцы оставили след на припудренной пылью поверхности. Ксения посмотрела равнодушно и вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Она легко скользнула в старые джинсы, которые совсем недавно были безнадежно малы. Если бы кто-нибудь спросил Ксению, когда она ела в последний раз, она бы точно не смогла ответить. Сама мысль о еде вызывала тошноту, так, только ложку за дочкой облизать. Провела рукой по волосам, привычно, не расчёсывая, скрутила их жгутом и, не найдя резинку, сунула за ворот свитера.

В кабинете доктор долго внимательно осматривал ребёнка: надавливал, тёр, вытягивал ножки, сравнивал. Он задавал много вопросов, Ксения отвечала подробно, стараясь ничего не упустить, а он только качал с сомнением головой.

– Вам нужен курс реабилитации, девочка должна скоро пойти, а мышцы и связки пока не готовы, – доктор делал записи в медицинской карте. Он взглянул на Ксению, потёр под очками уставшие глаза. – Лечение, которое вы проводите дома, дало хороший результат, всё могло быть намного хуже. Но проблемы остались. Жду вас завтра и начнём.

Курс стоил дорого. Ксения, вернувшись домой, достала все свои деньги, пересчитала, вспомнила, что в сумочке в потайном кармашке есть запас на непредвиденный случай, пересчитала ещё раз. Нет! Этого хватит только на два сеанса. Она посмотрела на дочку: малышка устала, спала тревожно, беспокойно взмахивая ресничками. Надо позвонить Косте, хватит от него прятаться.

– Костя, привет, – спазм в горле, она легонько кашлянула, – мы сегодня были у доктора, завтра начнётся курс, нам нужны деньги, – Ксения старалась говорить спокойно и только по делу.

– Я подумаю, – сказал Костя после паузы и положил трубку.

Ксения растерялась: «Ни слова про Вику? Он не видел её почти месяц и ни слова?» Она стояла у окна, смотрела на засыпающий город. Тревога, сосущая, как маленький алчный зверёк, давно поселилась в её груди – она к ней привыкла, сроднилась. Только сейчас этот зверёк особенно больно вонзил в сердце свои острые зубы, внутри кровоточило и саднило.

С утра позвонил Костя:

– Денег дам, только в счёт алиментов, – он помолчал немного. – И я подаю на развод. Квартиру надо освободить, её мне родители подарили, значит, она моя, я у юристов узнавал, – Костя говорил отстранённо, как чужой.

– Я думала, что нам Вику нужно вылечить, – Ксения шептала, громче говорить она не могла, голос пропал.

– Так ты давай, лечи. Только всё равно квартиру освободить придётся, – Костя говорил резко и раздражённо. Потом, чуть смягчившись, добавил: – Ладно, ещё месяц можете там пожить.

– Спасибо, – Ксения беззвучно шевелила губами.

Она села на пол, окинула пустым взглядом комнату: «Дома у меня тоже нет... Есть только Вика...»

Ксения шла на приём, толкала перед собой тяжёлую коляску, в такт шагам колыхались, бились в голове проблемы: где жить? Как прокормить малышку? Кредит? Кто его даст одинокой матери в декрете! Занять? А отдавать чем? Денег, которые даст Костя, хватит только на курс, а ещё надо на что-то жить! Мысли, тяжёлые, неповоротливые, тревожные, не думались, они пухли в голове, вытесняя из неё всё.

– Раздевайте девочку, – доктор посмотрел поверх очков, – что вы время тянете, мамаша?

Ксения торопливо начала расстёгивать пуговицы на кофточке. Вика, как специально, вертелась, выглядывая из-за мамино плеча, чтобы рассмотреть неприветливого человека, а, увидев белый халат, заканючила и начала вырываться.

– Ну что же вы, мамаша? – доктор говорил укоризненно. – Поторопитесь! И ребёнка успокойте!

Руки совсем не слушались. Вика так и норовила выскользнуть, как вдруг, чувствуя нервозность мамы, раскричалась громко и отчаянно.

– Даю вам пять минут, чтобы успокоиться, или я вас выпровожу! У меня там очередь, – отчеканил доктор, в упор глядя на Ксению.

Внутри у неё задрожало.

– Да как вы так можете? – Ксения выкрикнула ему в лицо, вскочила, крепко прижала к себе дочку. – Да кто вам такое право дал! – перед глазами плыло, казалось, что земля качнулась под ногами.

– Успокойтесь, мамаша, и ребёнка успокойте, – доктор говорил ровным голосом.

– Успокойтесь?! Да вы хоть знаете, сколько мы вас ждали? Вот этот вот приём! А вы нас гоните! Вы все сговорились, что ли? – Ксения кричала, выставив вперёд плечо и как щитом закрывая собой дочку.

– Дайте ей воды, – доктор кивнул медсестре. Та не торопясь налила воду, подошла к Ксении, сунула ей стакан:

– Ну, милая, что ты так разошлась, – мягким голосом сказала она и погладила легонько по плечу. – Попей водички, а ребёночка мне давай, – она потянула Вику, и та пошла к чужой женщине на ручки.

Зубы стукнули о край стакана, вода расплескалась, слёзы, длинные, невыплаканные, не давали дышать.

Медсестра легонько подтолкнула Ксению к стулу:

– Посиди здесь и водичку выпей, а мы пока малышкой займёмся. Да, девочка? – она улыбнулась Вике, и та улыбнулась в ответ, выставив напоказ четыре новеньких, блестящих, белоснежных зуба.

Ксения смотрела, как доктор приступил к массажу и упражнениям, как медсестра хлопотала рядом с её дочкой, слёзы лились потоками. Тугой узел, в который было завязано всё её существо, ослаб.

– Доктор, вы извините меня, – Ксения одевала обмякшую, засыпающую дочку, – столько всего навалилось.

Доктор, пожав плечами, заглянул в записи:

– Завтра к десяти, и не опаздывайте!

Часть 4

«Странный этот доктор, – Ксения тщательно расчесала волосы, забрала их в высокий хвост. – Работает с детьми, а такой резкий. Неприятный человек!» Она встала пораньше, чтобы привести себя в порядок. «Надо с режимом что-то делать, чтобы не опаздывать,» – Ксения стояла у плиты, помешивала кашу и размечала свой день.

– Просыпайся, моё солнышко, – она пощекотала дочку за ушком, легонько погладила по щёчке, – просыпайся, моя девочка.

Вика зачмокала губками, затрепетала ресничками, открыла глазки и улыбнулась маме. В комнате на миг стало светлее. В носу щипало, сердце искупалось в нежности.

Собрались быстро, прихватили любимого одноухого, испачканного в каше медвежонка и выкатились из дома.

На улице было ветрено. Ксения плотнее застегнула куртку, натянула шапку на уши, закутала Вику и пошла быстрым шагом. Она тяжело дышала, толкая перед собой коляску. Ветер, студёный, пронизывающий, обжигал лицо, норовил забраться под куртку, выдувал из головы все тревожные думы.

– Здравствуйте, доктор, – Ксения заглянула в кабинет. – Можно? – она смутилась, встретившись с ним глазами. – Вы извините меня за вчерашнее, пожалуйста.

Доктор кивнул, то ли разрешая войти, то ли извиняя.

Ксения сидела в сторонке и смотрела, как ловко управляется этот большой сильный мужчина с маленькой девочкой, как бережно он массирует хрупкие ножки. Вика попискивала время от времени, он тихонько, шёпотом успокаивал её.

«Немолодой, виски совсем белые и плечи ссутулились. Странная профессия для мужчины», – думала Ксения. Рассматривая доктора, она чувствовала себя удивительно спокойно.

Каждое утро Ксения собирала Вику и они торопились на приём, потом проходили разные процедуры, после долго гуляли и к вечеру уставали так, что сил было только до постели добраться. Ксения порой даже не успевала подумать о Косте, засыпала сразу же.

Как-то, прогуливаясь с дочкой, она встретила медсестру на улице:

– Здравствуйте, без униформы вас не узнать.

– Ксения! А это что за красивая девочка? Это Вика? Привет, малышка! – медсестра улыбалась тепло, мелкие морщинки, разбегаясь лучиками от глаз, украшали её, в ответ тоже хотелось улыбнуться.

– А мы вот гуляем, Вика домой идти не соглашается, – Ксении хотелось, чтобы эта женщина задержалась с ними подольше.

– А я иду к Виктору Алексеевичу, он здесь недалеко живёт, – они пошли рядом. Обе женщины замедлили шаг, им была приятна эта случайная встреча. В воздухе чувствовалась скорая весна, пахло талой водой, мокрыми ветками и сырой землёй.

– А Виктор Алексеевич, с ним ведь вам не просто? – Ксении хотелось узнать о суровом докторе.

– Виктор Алексеевич – прекрасный человек! Он очень добрый! Только жизнь у него непростая, – медсестра замолчала, видимо, что-то решая для себя, посмотрела по сторонам, будто собираясь с мыслями. – У него была семья, жена и два сына, погодки. Он работал в хирургии, был на ночном дежурстве. Жена возвращалась с дачи в город. Авария, там сейчас стоит крест и памятник с фотографиями.

– Боже! – Ксения помотала головой, отгоняя страшные картины.

– Он тогда месяц из дома не выходил, на звонки не отвечал, потом пришёл на работу седой и худющий, ушёл из хирургии, стал физиотерапевтом. Теперь детишек проблемных вос-

становливает, – Ирина остановилась, посмотрела на Ксению. – Он никогда не говорит о своей семье.

Горло сжал спазм, в глазах задрожали слёзы.

– Руки у него золотые, а то, что суровый и неприветливый – это не страшно. Хорошо, что вы к нему попали, – Ирина посмотрела на часы, спохватилась. – Пойду, мы по очереди к нему ходим, квартиру убираем, готовим. Один живёт, да и на работе всё время.

Она потрепала Вику по щёчке, кивнула Ксении и пошла.

Вике лечение шло на пользу: уже пыталась вставать, качаясь на слабых ножках. Она улыбалась при встрече медсестре Ирине, к доктору доверчиво шла на ручки.

Однажды, во время сеанса, зазвонил телефон – это был Костя. Ксения, извинившись, выскользнула из кабинета и прижала трубку к уху:

– Да, – сказала тихо.

– Я подал заявление о разводе, суд на следующей неделе, – Костя даже не поздоровался.

– Мы каждый день ходим на лечение, я не смогу, – Ксения прижалась спиной к холодной стене, чтобы не упасть.

– День пропустить можно, – он был холоден и жесток.

Она стояла в коридоре и хватала ртом воздух. Из кабинета вышла Ирина:

– Что с тобой? Что случилось? – Ксения, бледная до синевы, сползала по стене. – Пойдём-ка!

Она повела Ксению в туалет.

Уткнувшись в тёплое плечо Ирины, Ксения рыдала взахлёб, как в детстве, пока халат на плече медсестры не стал мокрым. Ксения извинялась, пыталась стряхнуть слёзы и, заходясь в рыданиях, утыкалась в плечо медсестры снова. Ирина гладила её по голове:

– Плачь, милая, плачь.

Распухая от слёз, притихшая и опустошённая, Ксения тихо скользнула в кабинет. Вика сидела на массажном столе и лопотала с Виктором Алексеевичем, а увидев маму, потянулась к ней ручками.

– Что это вы распустились, мамаша? – доктор строго взглянул на Ксению, покачал осуждающе головой. – О ребёнке надо думать!

Ксения потупилась:

– Я пытаюсь.

– Не пытаться надо, а жить! – доктор смотрел в упор на растерянную молодую женщину. – Значение имеет только жизнь! Пока человек жив, он всё может! стыдно!

Ксения прижала к себе малышку: «А ведь он молодой ещё, только седой», – взялась откуда-то неожиданная мысль.

– У девочки есть прогресс, перспективы очень хорошие, а вы распустили себя!

Светило солнце, весна потихоньку забирала мир в свои руки. Ксения вышла на крыльцо, подхватила Вику подмышки, подняла над головой, расцеловала звонко и впервые за много месяцев от души улыбнулась:

– Я справлюсь! Если он с таким справился, то мы точно всё сможем, малышка! Я обещаю! Всё будет хорошо!

P.S.

Я ничего не знала об этой истории, а на днях встретила Ксению. Они гуляли в парке. Вика, совсем большая, скакала на одной ножке и распевала песенку. Ксения, тоненькая, с копной светлых вьющихся волос, юная, словно девочка, стояла рядом и подпевала.

– Как живёшь, Ксень? – я была рада встрече.

– Хорошо! – Ксения улыбнулась так, что стало теплее.

– Как Костя? – я помнила их молодыми и поглощёнными друг другом.

– Не знаю, мы давно в разводе! – спокойно ответила Ксения.

– Как же так, такая красивая пара, – я сильно удивилась.

– Было тяжело, но я ему очень благодарна. Если бы не он, я бы точно не знала, какое оно – счастье! – она оглянулась, ища кого-то глазами.

Подошёл высокий седовласый мужчина, он катил коляску: «Мы погуляли, Ксю, пойдём домой, а то парень проголодался».

За стеклом

Дара Мун @julia_phomina

1

Атум смотрел на сотворённый им мир. Внутри стеклянной сферы были видны очертания материков, океанов и гор.

Где-то там жили люди, миллионы людей, каждого из которых Атум создал сам. Они научились строить высокие здания, машины, пересекать огромные расстояния на самолётах... Всё по воле его. Каждую деталь, каждую идею и каждого изобретателя Атум аккуратно записывал в книгу. А что было в книге – то становилось правдой в его личном, закованном в стекло мире.

Атум не был единственным в своём роде: существовали тысячи таких, как он, демиургов. И столько же личных миров под стеклом, как чашки Петри в человеческих лабораториях.

Что будет, если добавить эту бактерию?

Что будет, если на планете выживут одни дельфины?

Что будет, если...?

Мало кто из демиургов был способен управиться с человечеством. Слишком уж они были сложны, гораздо проще – выдумать планету динозавров или хомяков.

Но Атум не страшился трудностей.

– Люди – это проблема, – любил говорить его друг Нуби, раскуривая трубку с первоклассным нептунианским табаком. – Слишком много писанины.

Атум кивал: да, людей было трудно создавать и контролировать, но без них ему стало бы невыносимо скучно. Люди... они же такие парадоксальные. Созданы по образу и подобию высокоразвитой цивилизации, но редко опережали в развитии обычных дельфинов.

Атум провёл целое утро, глядя в шар. В мире за стеклом было всё по-старому. Никто не умирал от голода или войны, никто не становился убийцей или жертвой, никто не жёг других за инакомыслие.

Всё было хорошо, хорошо, хорошо... Но будто чего-то не хватало. Такое странное чувство скреблось у Атума в груди уже несколько звёздных месяцев.

– Ты сегодня рано, – услышал Атум мягкий голос и обернулся.

На него смотрела Лура, его рыжеволосая красавица. Её лицо сияло бледным светом, она жмурила заспанные глаза и улыбалась. Все миры стоили её одной.

– Мне не спалось, – признался Атум. – Я собирался поработать, но задумался, да так и не написал ни строчки.

Лура приблизилась к нему, её изящная ладонь легла на его щёку.

– Что тебя беспокоит, милый? – спросила она. – В мире что-то случилось?

– Нет-нет, с миром всё хорошо, – заверил её Атум. – Но одна идея не даёт мне покоя.

Лура задумалась.

– Я знаю, что ты хочешь сделать, – сказала она, и огонёк тревоги зажёгся в глубине её синих глаз. – Это большой риск. Ты уверен, что готов?

Атум не был уверен.

– Не раньше, чем выпью кофе, – отшутился он, пытаясь скрыть волнение.

Лура усмехнулась. Она знала его лучше, чем кто бы то ни был.

– Твой любимый почти закончился, – сообщила она, заглядывая в банку. – Придётся тащиться на Плутон за новой порцией.

Лура кинула последний кофейный брусок в кружку, щелчком пальцев создала в воздухе пламя и нагрела. Атум вдохнул крепкий запах и прикрыл глаза. Кофе и Лура на его кухне – так выглядело идеальное утро. Атум принял чашку из её рук и сделал глоток.

Лура была с ним с самого начала, когда Атум записывал первые строки в книгу, а мутная жидкость внутри стеклянного шара становилась чем-то осязаемым. Предстояла долгая работа, каждое его слово могло создать новую жизнь или погубить её. Два мира были разрушены и две книги сожжены прежде, чем Атум научился. В третьей книге появились они, люди. Во многом благодаря Луре, которая шептала: «Попробуй. У тебя получится».

Конечно, у такой превосходной во всех смыслах девушки, как она, было много возможностей. Лура могла бы колесить по Вселенным, собирая данные, могла создавать новые виды растений на Венере или спасать Бетельгейзе от гибели.

Но она выбрала быть с ним, с демиургом, который создаёт мир. Профессия в масштабах Вселенной была важная, но скучная. Атум и подобные ему были исследователями. Они изучали разные виды материи, экспериментировали с бактериями и биологическими видами. Какие-то миры оказывались нежизнеспособными, и демиургам приходилось начинать сначала. Снова и снова. Пока не получалось создать нечто устойчивое и совершенное. Тогда мир аккуратно извлекали из стеклянного шара и помещали в одну из Вселенных – так рождалась планета.

Но за последнее звёздное столетие демиурги терпели одни неудачи. Нуби говорил: «Чтобы создать планету – нужно быть гением, одним на миллиард». Он явно не был из их числа – его мир динозавров вымер, и пришлось начинать заново.

У Атума была мечта – создать жизнеспособную планету, гармоничную и красивую, счастливую для всех существ. Он знал, что его мир уже достаточно окреп для последнего шага. Ему было страшно выпускать дитя из заботливых рук, страшно предоставить самому себе, но вместе с тем в его груди жила надежда. Он верил в свой мир больше, чем боялся за него.

Атум допил кофе.

– Я решил, сделаю это сегодня вечером, – сказал он. – Я чувствую, что время пришло.

Вечером того же звёздного дня Атум достал книгу, провёл рукой по шершавым страницам, обмакнул кончик пера в чернила и написал:

«Я дарю им свободу воли».

Чернила высохли. Он закрыл книгу и убрал на полку. Перед тем, как пойти спать, Атум ещё раз взглянул на своё творение.

В его мире наступила ночь. И где-то внутри стеклянного шара, в крохотной квартире, маленький мальчик по имени Том отворил окно и взглянул в небо.

На миг ему показалось, будто среди звёзд появилось огромное лицо.

Том всё смотрел и смотрел, и в его голове рождались важные вопросы.

2

Том смотрел на ночное небо из окна военного госпиталя. Боль от пулевого ранения пульсировала в правой ноге.

На передовой он мечтал, как наконец окажется в кровати и заснёт беспробудным сном. Желание сбылось: теперь у него была кровать, но сон будто издевался над ним. Стоило закрыть глаза, как Том видел мёртвые лица товарищей и слышал пулемётную очередь.

За что они сражались и погибали? Потому что высокопоставленные ублюдки что-то не поделили?

– Я верю, что Бог защитит нас, – говорил Марк, его лучший друг.

– Бог не защитит тебя, – возражал Том. – Не защитит никого из нас. Если бы он существовал, разве же позволил развязать войну за клочок земли?

Но Марк продолжал верить, хоть в этом не было никакого смысла. А на следующий день он подорвался на вражеской mine. Всё, что осталось от него – воспоминания. Марк был добрым малым, и смех его был таким чистым и звонким.

Том вздохнул. Он тоже когда-то верил в Бога. В детстве ему даже казалось, будто он видел его лицо в глубине тёмного неба. Он спрашивал родителей: что это за дядя, который смотрел на них с небес? Но их этот вопрос почему-то ставил в тупик и заставлял беспокойно переглядываться.

Два десятка лет прошло с тех пор, Том вырос. Он больше не верил ни в каких богов. Да и в людей не верил. Но детская привычка осталась: каждую ночь он смотрел в небо, пытаясь разглядеть хоть какую-то надежду.

Ему повезло больше многих: пока он был в госпитале, война закончилась, они победили. Ему повесили на грудь медальку и отправили домой.

Тому хотелось верить, что он сможет вернуться к прежней жизни, до изнурительных перестрелок и бессонных ночей, но... крики солдат, их кровь и изувеченные тела – всё это останется с Томом навсегда. Перед лицом смерти не было своих и чужих, они все умирали с немим вопросом на губах: за что?

Том не погиб, ему пришлось жить дальше.

Он искал работу, но не слишком успешно: он не обладал особыми знаниями или навыками. На словах его почитали героем, но в реальной жизни ему приходилось едва сводить концы с концами.

Так прошло лето и настала осень. Стоял серый день, накрапывал дождь. Том был в тонкой кожаной куртке, которая не защищала от холода. Ветер бросал редкие капли ему в лицо, но Том улыбался: ему удалось подзаработать, теперь он сможет оплатить аренду и даже приготовить любимый говяжий стейк на ужин. Он нащупал ключи в кармане и уже было собирался открыть дверь, как услышал писк. Том замер. Звук повторился. Он огляделся: из-под лестницы выглянуло крохотное существо.

– Иди сюда, не бойся, – позвал Том. В его руках оказался щенок, он дрожал и тёрся холодным носом о пальцы. – Пойдём со мной, не место тебе здесь.

Том прижал щенка к себе и, насвистывая мелодию, вернулся домой.

– Надеюсь, ты любишь говядину.

В тепле и заботе щенок быстро превратился в большого лохматого пса, который занимал весь диван и ел вдвое больше хозяина. Том назвал его Марком в память о друге – у пса были такие же добрые глаза.

Том устроился вышибалой в ночной клуб, денег стало чуть больше, и сон стал крепче – Марк будто отгонял кошмары.

Жизнь пошла на лад. Минула осень и зима, настала весна.

Настойчивый дверной звонок разбудил Тома воскресным мартовским утром. Он нехотя поднялся и, бурча под нос проклятья, поплёлся открывать. Марк тёрся у ног, виляя хвостом.

– Чем обязан? – спросил Том, увидев незнакомца на пороге.

– Меня зовут Стрег Бригс, у меня к вам серьёзный разговор. Могу я войти? – Том оглядел незваного гостя: деловой костюм из тех, что носят офисные клерки, дипломат в руках, но за обыденным фасадом безошибочно чувствовалась военная выправка.

Они прошли в кухню.

– Не буду ходить вокруг да около, – начал Бригс. – Вы снова нужны своей стране.

Том нахмурился, у него заныла правая нога.

– При всём уважении, сэръ, но я свой долг отдал сполна, – ответил он, и голос его был полон уверенности в каждом слове.

– Верно, – гость кивнул. – И всё же выслушайте моё предложение.

Он начал говорить рублеными чёткими фразами. С каждым словом Бригса лицо Тома менялось: от недоверия до удивления.

– Космическая военная программа? – переспросил он. – То есть вы хотите, чтобы я полетел в космос?

Даже в самом смелом сне Том не мог вообразить ничего подобного. Военные хотели построить космический корабль? О таком писали разве что фантасты с богатым воображением! Неужели же это было возможно?

– У вас будет шанс, – поправил его Бригс. – Вы и ещё девять кандидатов будете проходить подготовку. Полетит только один, нам нужен лучший. Но платить будут каждому и весьма недурно, сами понимаете.

Том медленно кивнул.

– Я согласен, – сказал он, не тратя время на обдумывание.

Бригс расплылся в улыбке, они пожали руки и обсудили формальности.

– Ты только представь, Марк, – Том почесал пса за ухом, когда гость ушёл. – Я полечу! Полечу к звёздам!

Том согласился не потому, что ему нужны были деньги.

Он знал. Чувствовал где-то внутри, что вот она – его судьба, которая вела его заботливой рукой ради этого шанса.

В ту ночь Том засыпал с улыбкой на губах.

Сквозь окно на него глядело ночное небо. Вдруг показалось чьё-то огромное лицо. Внимательный взгляд коснулся Тома, но тот уже крепко спал.

3

Атум потерял сон.

Шесть звёздных дней прошло, но для мира в стеклянной сфере минуло целых двадцать лет.

Всё началось с мысли. Часть людей решила, что они особенные, достойнее остальных, и им по праву рождения полагаются привилегии. Эта идея так захватила их умы, что они выдумали целую религию.

И в их мире появился ещё один бог, гораздо могущественнее Атума. Его именем прикрывались, когда одни хотели управлять другими, в его честь они брали в руки оружие и шли войной на себе подобных.

Мир запылился огнём, и дым над пепелищем висел ещё очень долго.

Вслед за главным богом появились и другие. У них было много имён: деньги, власть, слава, роскошь... Им приносили пышные жертвоприношения – вырубленные леса и осушенные реки, убитые ради потехи животные, отравленная ядом почва. Люди жадно потребляли ресурсы так, будто завтра не наступит. Будто после них не будет иной жизни.

Ночи напролёт Атум смотрел на мир, который выпустил из рук.

– Я дал им свободу и вот что вышло, – сказал он тишине.

Скрипнули половицы, послышались шаги и лёгкая ладонь легла ему на плечо.

– Ты ещё можешь всё исправить, – прошептала Лура.

Атум заключил её в объятия и шумно выдохнул.

– Нет, Лура, – он провёл рукой по её спутанным рыжим волосам, – я обещал, что не буду вмешиваться.

– Но если они не одумаются...

– Их мир погибнет. Знаю.

Он чувствовал её тёплое дыхание на своей шее, слышал, как гулко и тревожно билось её сердце.

– Пожалуйста, пойдём спать, – попросила она.

– Им ещё рано, Атум, – сказала Лура.

Атум, казалось, не слышал её: он не сводил глаз с мира за стеклом.

– Они не доросли до полётов в космос, – убеждала она.

Атум смотрел, как люди создавали первый в их истории космический корабль.

– Это опасно! Ты должен вмешаться. Стереть разработки! – воскликнула Лура, тряся его за плечи.

– Нет, – Атум покачал головой. – Этот юноша, Том. Он толковее остальных. Пусть летит, я хочу поговорить с ним.

Это случилось вечером седьмого звёздного дня.

Построенный людьми космический корабль взмыл в воздух. Том был внутри. Он был счастлив и напуган одновременно.

Атум устроился в кресле напротив стеклянного шара и принялся ждать.

Три...

Вот корабль достиг первой космической скорости.

Два...

Вышел на орбиту.

Один...

С размаху врезался в стекло.

Так ломается лёд под ботинком – с резким хрустом. Сеть трещин покрыла шар, мелкое крошево из стекла посыпалось на землю, как первый снег. Людям внутри казалось, что настал конец света.

Корабль пробился сквозь тонкую преграду, спикировал, и, словно осенний лист, медленно опустился у ног демиурга. Он был размером со спичечный коробок, а Том внутри – и того меньше.

Атум взял в руки книгу и перо и написал:

«Том вышел из корабля и стал моего роста».

Едва чернила высохли, воля творца была исполнена: Том стоял перед ним в белом защитном костюме.

Создатель и его творение – друг напротив друга, глаза в глаза.

– Я умер? – робко спросил Том.

– Нет, – ответил Атум. – Ты жив. Можешь снять шлем, здесь безопасно.

Том последовал совету и втянул носом воздух. Некоторое время он молча озирался по сторонам.

Он увидел космос за широкими окнами чужой гостиной. Далёкие звёзды, целая россыпь, подмигивали ему холодным светом. Том сделал шаг, чтобы рассмотреть поближе. Под ногой хрустнуло стекло. Он посмотрел вниз, затем обернулся и увидел потрескавшийся шар, а внутри – его мир, замерший в ожидании скорой гибели.

– Кажется, я знаю, кто ты, – сказал Том, переводя взгляд на Атума. – Ты бог? Тот самый, о котором все говорят?

– Вряд ли я похож на того бога, о котором все говорят, – возразил Атум. – Но да, я создал ваш мир. Меня зовут Атум, я демиург.

– Это тебя я видел, когда был маленьким? Это ты смотрел на нас с неба? – вопрос Тома прозвучал как обвинение.

Атум кивнул.

– Раз ты создал нас, создал всё... значит, ты знаешь. Всё, что происходило, – Том не спрашивал, он утверждал. – А раз так, то войны и гибель людей – твоих рук дело.

В один большой шаг Том приблизился к Атуму, схватил за рубашку и с силой потряс.

– Ты смотрел, как они умирают, – его голос дрогнул на последнем слове. – Мои друзья и ещё тысячи других. Они верили, что ты защитишь их. Они верили в тебя!

– Я знаю, – прошептал Атум. – Я слышал их, каждого.

У Атума из глаз потекли слёзы.

– Слышал, но ничего не сделал?! – воскликнул Том.

Последовал резкий удар. Атум дёрнулся, светло-лиловая кровь хлынула из носа.

В комнате раздался вопль: это была Лура.

– Не тронь его! – закричала она. – Ты не понимаешь!

От неожиданности Том разжал хватку, и Атум медленно опустился в кресло.

– Том, – позвал Атум, вытирая кровь тыльной стороной ладони. – Возьми книгу.

Он протянул ему потёртый фолиант с пожелтевшими от времени страницами.

Том не двинулся.

– Прочитай, прежде чем бросаться с кулаками, умник, – словно кошка, прошипела Лура.

Том нехотя взял книгу. Он наскоро просмотрел первые страницы: всё это он читал ещё в школе на уроках биологии и истории. Последняя страница показалась ему интересной. Запись, сделанная двадцать лет назад, за месяц до первой мировой войны:

«Я дарую им свободу воли».

И ещё одна запись, сделанная сегодня: «Том вышел из корабля и стал моего роста».

– Я не понимаю... – сказал Том.

– Ещё бы ты понимал! – воскликнула Лура. – Ваши войны, страдания, жестокость – это плоды вашего выбора. Атум здесь не при чём.

– Я дал вам право создать свой мир, – сказал Атум, и голос его был глухим и печальным. – Я хотел гармонии и красоты, хотел эволюции и роста для каждого из вас. Но вы не смогли.

Том молчал.

– Ваш мир уже не спасти, – продолжил Атум. – Взгляни на них. Они погрязли в глупости и жестокости. Скоро они сами себя уничтожат. Мне жаль.

– Нет, – Том покачал головой. – Должен быть другой выход.

– Я хочу спасти тебя, – Атум встал. – Ты можешь остаться здесь, в моём мире.

Они смотрели друг на друга. Серые глаза Тома против жёлтых глаз Атума. Том первый отвёл взгляд.

– А что будет с ними? – Том обернулся, он увидел, как люди в его мире убежали и спрятались, укрывали детей своими телами, а стеклянное крошево продолжало падать. – Ты сотрёшь их, будто неудавшийся рисунок? Вот так просто?!

– Не просто, – отрезал Атум. – Но мне придётся.

– Я не останусь, – ответил Том, качая головой. – Я не позволю тебе разрушить мой мир так, будто он ничего не значит. Я буду бороться за него, – с каждым словом он говорил всё громче и громче. – Да, мы, люди, глупые и невежественные, но мы умеем учиться на ошибках. Мы станем лучше, вот увидишь! Только дай нам шанс. А не выйдет, так мы сами себя уничтожим. И это тоже будет наш выбор.

Атум медленно кивнул.

– Хорошо, будь по-твоему, – он взял в руки перо и раскрыл книгу. – Я уберу все знания человечества о космосе, вам ещё рано покидать свой мир. Но ты будешь помнить всё. Это мой тебе дар и твоё время. Прощай, Том.

Размашистым почерком Атум сделал запись в книге.

Едва чернила высохли, Том растворился в воздухе, а осколки сложились в цельную блестящую сферу.

Атум захлопнул книгу и ощупал сломанный нос.

– Ты же не собирался стирать их мир, верно? – спросила Лура.

– Верно, – Атум улыбнулся. – Я бы не смог.

Кончиками пальцев Атум дотронулся до гладкого стекла. Мир внутри погрузился в сон. Наутро жители забудут об ужасах этой ночи. Все, кроме одного.

– Теперь они сами по себе, – сказал Атум. – Я могу только верить в них. Когда-нибудь они поймут, что невмешательство в их выбор – это высший акт любви.

4

Целый звёздный месяц прошёл, за который Атум не написал ни строчки.

Он пил кофе, гулял с друзьями демиургами по кольцам Сатурна, проводил время с Лурой. Мир за стеклом жил своей жизнью, но Атум почти не чувствовал тревоги за его будущее.

И вот однажды утром...

– Они готовы, Атум, – в комнату зашли Старейшины, семь существ высшего порядка. Они обступили сферу и одобрительно закивали. – Ты проделал огромную работу!

Тут же по щелчку Атум и Лура переместились в свободное пространство среди звёзд. Сфера с миром внутри оказалась у Атума в руках. Он осторожно разрезал стекло пополам, и его мир, лишённый защитной оболочки, стал расти, пока не достиг размеров Марса, а после – занял определённое для него место. В звёздной системе Омикрон Эридана, меж звёзд Беид и Кеид, появилась планета. Из космоса были видны очертания материков, океанов и гор.

– Здесь красиво, – сказала Лура. – Старейшины нашли отличное место!

– Как мы её назовём? – спросил Атум.

Лура задумалась.

– Луатум, – ответила она. – В честь демиурга Атума и его музыки. Если ты не против, конечно.

– Мне нравится.

Некоторое время они разглядывали своё детище. Дитя подросло и окрепло, настало время ему войти во взрослый мир.

Уже сто лет по луатумскому летоисчислению планета развивалась и процветала, её жители стояли на пороге космических открытий.

Когда-то на Луатуме жил человек по имени Том. Он вошёл в историю как Том Просвещённый. Он проповедовал сумасшедшие для своего времени идеи о боге, который не хотел никаких жертв в свою честь, не требовал ежедневных молитв и величественных храмов. Он просто любил их всех.

Том учил, что каждый сам был в ответе за свою судьбу. Он верил, что, если люди выберут созидание вместо разрушения, перед ними откроются новые горизонты, и они смогут летать и даже говорить с создателем.

Его учение расходилось по миру как круги по воде. Его обожали и ненавидели, восхваляли и проклинали, но не было тех, кто остался равнодушен к его словам. Том прожил долгую жизнь, за которую сумел сделать великое дело: он заставил людей думать, а это, согласитесь, уже немало.

После смерти его идеи проросли и дали всходы в других людях. Их становилось всё больше и больше. Эпоха потребления подошла к концу, люди поняли, что только они ответственны за будущее своего мира. А раз так, пришлось убирать за предшественниками и поддерживать чистоту для потомков. На этом этапе Старейшины признали мир, созданный Атумом, жизнеспособным и подыскали ему подходящее место для дальнейшей эволюции.

– Всё ещё не верится, – сказала Лура вполголоса. – Ты сделал это, ты подарил Вселенной целую планету!

– Нет, – Атум покачал головой, – я лишь создал мир. А они смогли его сохранить. И даже сделали лучше. Удивительные существа – люди.

– Когда-нибудь они прочтут твою книгу и напишут: «Спасибо».

– Возможно, – Атум улыбнулся. – А пока... как насчёт кофе? Сотворение мира – занятие утомительное.

Лура засмеялась.

– Предлагаешь ты, а варить мне! – шутливо возмутилась она.

– Ну, дорогая, никто не справится с этим лучше тебя, – Атум хитро подмигнул ей. – Кстати, придётся варить на троих. Том обещал заглянуть. С тех пор, как он стал демиургом, у него ко мне куча вопросов.

– Он тоже решил создать людей? – Лура хихикнула.

– Да, – Атум кивнул. – Ты же знаешь, без них в мире было бы ужасно скучно...

Тайна серой планеты

Евгения Болдырева @evgeniya.boldyreva

Глава 1

«Эксперимент семнадцатый, день восьмой.

Образцы невероятно жизнеспособны. Они почти не нуждаются в солнечном свете, показывают рекордный рост и ещё...»

Миша закрыл рукой диктофон, подошёл к двери, приложил к ней ухо. Постоял так с минуту, не услышал ничего подозрительного и вернулся к записи:

«Ещё, в отличие от предыдущих образцов, у всей группы наблюдается восприимчивость к синтоксу. Похоже, они питаются им, а взамен выделяют кислород... В смысле, настоящий кислород, как раньше, до Великой Технореволюции».

Голос дрогнул. Несколько секунд диктофон записывал неровное дыхание в тишине. Наконец Миша снова заговорил:

«Если всё подтвердится, если серия опытов докажет, что эти образцы выделяют пригодный для дыхания газ...»

Он хлопнул себя по лбу ладонью и рассмеялся в динамик.

«Да какие опыты? Я же чувствую его. Я три дня дышу настоящим кислородом! Даже подташнивает и голова кружится с непривычки. Я создал единственный на планете оазис чистого воздуха! Когда об этом узнает мировое прави...»

Раздался грохот. Металлическая петля, криво прикрученная к двери саморезами, отлетела на пол. Миша вздрогнул, незаметно сбросил диктофон в урну с бумагами и развернулся на крутящемся кресле к незванным гостям.

– Слышал этого дурика? Оазис он создал! – загоготал Федька и с разбегу пнул ближайший саженец.

Тот переломился, отлетел в лицо своему хозяину, но Миша даже не попытался закрыться.

Молча, положив руки ладонями вверх на колени, мальчик смотрел, как братья ломают расставленные на полу образцы.

– Придурок, ты достал в доме грязь разводить! – прорычал Коля, втапывая молодую зелень в бетон. – Расскажу отцу, опять неделю сидеть не сможешь.

Федя снова рассмеялся и подхватил:

– Где ты только землю берёшь, а? Расскажи по-братски, мы туда асфальт в два слоя закачаем. Жить станет спокойнее.

Чуть дёрнулась щека, сузились зрачки, но ничем больше десятилетний Миша не выдал своих эмоций. Тогда Коля, закончивший воевать с беспомощными растениями, накинулся на младшего брата.

– Уясни, наконец, хмырёныш! Эксперименты твои никому не нужны. Кислород – не конкурент синтоксу, а деревья – дикий атавизм.

Сделал паузу и добавил:

– Такие, как ты – атавизм.

«Ты – атавизм».

Кнопка перемотки, две секунды:

«Ты – атавизм».

Кнопка перемотки...

Миша в сотый раз возвращал слова брата. Слушал, пока не перестало царапать мальчишечье сердце.

Так же он учился молчать, пока Коля с Федей раз за разом топтали его мечту.

Так же привыкал без эмоций сметать в мусор остатки экспериментов.

Так же заставлял себя начинать всё заново.

Если где-то сильно болит, там нарастает мозоль, броня.

Большой палец замер над кнопкой перемотки, обвёл её контур и переместился к записи.

«Эксперимент восемнадцатый, день первый.

Я нашёл ген быстрого роста и научил растения адаптироваться к окружающей среде. Но они не могут защищаться и остаются уязвимыми. Чтобы выживать, мои образцы должны стать опасными. Шипы и яд? Боярышник и клещевина? Надо об этом подумать».

Глава 2

Десять лет спустя

– Иди сюда, иди, иди... Ну же, железяка бестолковая!

Мила резко дёрнула джойстик на пульте управления, и робот, который до этого раскачивался за окном, резко ушёл вниз.

Послышался грохот.

Можно было даже не выглядывать на улицу, и так понятно, что последний курьер размазал свои микросхемы по асфальту.

– Вот же чума безрукая! – прошипела девушка.

– Это точно, – раздалось у неё за спиной.

Нацепив виноватую улыбку, Мила развернулась к брату:

– Я тебе говорила, пилотирование не для меня.

Олег устало взъерошил волосы, ущипнул себя за переносицу и со вздохом уточнил:

– А что для тебя? Повар – мимо, бухгалтер – мимо. Ты только на месте директора не успела побывать, но тут уж извини, риски слишком велики.

Пожав плечами, девушка уставилась на пульт, который всё ещё держала в руках, и принялась бесцельно давить на кнопки.

Олег хорошо знал сестру, чтобы понять – она теперь слова не скажет. Будет страдальчески вздыхать до тех пор, пока он сам не убедит её, что ничего страшного не случилось.

Робот разбился? Ерунда, починим.

Руки кривые? Не беда, выпрямим.

Асфальт у дома восстанавливать придётся? Ну, а с кем не бывает?

Кстати, об асфальте... Олег поспешил к выходу. Нужно было оценить масштабы намечающейся дыры на банковском счету.

Когда он вернулся с кучей металлолома, Мила всё так же стояла у окна с виноватым видом.

– Ладно уж, недотёпа, – Олег примирительно махнул рукой, – из зарплаты у тебя вычту и забыли об этом.

Он сгрузил останки робота возле двери, брезгливо отряхнул руки от налипшей грязи. На ручном коммуникаторе выбрал группу «Устранение неполадок» и отправил заявку асфальтоукладчику – этот контакт был в избранном у большинства самозанятых.

– Дыра большая? – нарушила тишину Мила.

Олег хохотнул:

– Со среднюю пиццу.

Завибрировал коммуникатор, сообщая, что рабочие на месте. Неудивительно, ведь ремонтная фирма была в соседнем доме.

Мужчина машинально потянулся к экрану, чтобы смахнуть сообщение, но тут пришло ещё одно:

«Срочно подойдите к нашему сотруднику!»

Олег нахмурился, перечитал требование и удивлённо переглянулся с сестрой, которая успела сунуть нос в его коммуникатор.

– Я с тобой! – выпалила Мила и первой бросилась к двери.

В нетерпеливом молчании они спустились на первый этаж, прошли через длинный холл и замерли возле стеклянных дверей. На улице, прямо под их окнами, там, где четверть часа назад робот-курьер проделал дыру в асфальте, росло дерево.

Мила со свистом втянула воздух, Олег, наоборот, стоял не дыша. Растения до этого они видели только в видеоэнциклопедиях.

Глава 3

«Сохранять деревья ради кислорода, который они выделяют, нерационально и нелогично – так решило мировое правительство в начале XXII века. Зелёные насаждения занимали слишком большие территории, а людям приходилось забираться всё выше в небоскрёбы, чтобы уместиться в тесных городах.

Синтезированный учёными газ «SintOx» оказался практически полностью идентичным кислороду и пригодным для дыхания. Но главным его преимуществом стало то, что для обеспечения всей планеты достаточно было построить несколько десятков фабрик.

Масштабная вырубка лесов ознаменовала начало Великой Технореволюции и позволила людям выйти из созависимых отношений с природой.

Летом 2105 года было уничтожено последнее дерево на Земле, и с тех пор ежегодно 25 июля человечество отмечает Всемирный день Торжества Технологий».

Мила свернула окно с историческими выдержками и подняла взгляд от коммуникатора. На улице Олег объяснял что-то рабочим, эмоционально размахивая руками. Он, конечно, велел оставаться внутри, но разве можно было упускать шанс прикоснуться к настоящему чуду?

Девушка мягко толкнула стеклянную дверь. Вязкая тишина холла отступила, и шёпот зелёного отозвался мурашками вдоль позвоночника...

Как называются эти тонкие пластины, Мила не помнила. В школьной программе изучали тему: «Деревья. Как люди подавили многовековую осаду», а не «Деревья и их строение». Неужели эти неподвижные и с виду мирные растения могли кому-то мешать?

Без опаски девушка подошла к молчаливому вторженцу, нырнула под гибкие отростки, приложила ладонь к шершавому столбу. Тихо сказала:

– Привет.

Показалось или шелест стал громче? Может, ветер растревожил?

Мила задрала голову, разглядела кусочки неба сквозь просветы в зелени. Прошептала:

– Откуда ты здесь?

И прислушалась, будто правда надеялась получить ответ.

Заметила боковым зрением движение – это невесомая пластинка слетела с верхушки, качнулась на уровне глаз и легла на плечо. Мила рассмеялась.

Тут же послышался испуганный окрик Олега:

– Уйди отсюда!

Брат оставил рабочих и с воинственным видом направился к дереву.

Шелест снова изменился, перестал быть дружелюбным, умиротворяющим. Только теперь Мила заметила острые иглы среди нежной зелени. Поспешила навстречу брату, развернула его к дому и увела подальше, но сама всё оглядывалась. Чувствовала странное опустошение от прерванного знакомства.

– Они решили, что мы вырастили эту громадину, – на ходу возмущался Олег, – хотели вызывать полицию.

– Что с ним сделают?

– Срубят, конечно. Только решат, какой службе этим заниматься.

Мужчина сделал ещё несколько шагов, прежде чем понял, что Мила отстала. Он обернулся, подозрительно посмотрел на бледную сестру и с трудом различил её шёпот:

– Оно же никому не мешает, никого не трогает. Зачем?

Теперь уже Олег подталкивал Милу к дому, нащёптывая на ухо, как бестолковому ребёнку:

– Деревья незаконны уже полвека. Не вздумай защищать его, нам и так предстоит объясняться с полицией...

С трудом передвигая отяжелевшие ноги, девушка обернулась через плечо, чтобы последний раз увидеть чудо.

Двое рабочих приближались к нему, держа лопаты на манер оружия. Дождаться специальных служб они явно не собирались.

Один подошёл к основанию дерева, кулаком простучал его, примеряясь, куда лучше ударить. Металл мелькнул в воздухе, послышался глухой хлопок...

Мила не помнила, как вывернулась из рук Олега и оказалась рядом с рабочим. Втиснулась между незаконным чудом и мужчиной, который занёс лопату для второй атаки. Вцепилась в гладкое древко, забормотала сбивчиво:

– Пожалуйста, не надо! Не делайте ему больно.

Глядя на неё, как на сумасшедшую, рабочий опустил лопату и отступил на шаг. Осмотрелся в поисках товарища, но вдруг поднял взгляд вверх, привлечённый странным скрежетанием.

Мила тоже заметила перемену. Теперь она убедилась, что гибкие отростки раскачивал не ветер. Для такого беспокойства он должен был быть ураганным.

Рабочий пятился, не сводя глаз с мельтешащей зелени. Первый удар пришёлся ему в плечо, от второго он смог увернуться, но вот третий попал в цель. Мужчину отбросило на несколько метров. Его напарник успел отбежать.

Сквозь непрерывное движение Мила увидела брата – он пытался добраться до неё и спасти из ловушки, но сама девушка не чувствовала опасности.

Один из отростков пролетел перед лицом Олега, задел волосы и чуть не полоснул иглой по щеке, однако попыток прорваться к сестре мужчина не бросал.

Мила глубоко вздохнула. Находиться здесь было волнительно и как-то... естественно. Только она не хотела, чтобы брат пострадал.

Посмотрев с опаской на непрерывное мельтешение, девушка провела ладонью по шершавой поверхности за своей спиной и шагнула вперёд.

Она видела, как Олег испуганно вскинул руку, открыл рот, чтобы крикнуть ей, но слышала Мила лишь дыхание и шёпот дерева.

Зелень расступалась, скрежет утихал. Девушка вышла из-под защиты так же легко, как зашла сюда, чтобы защитить.

На этот раз брат крепко вцепился в запястье Милы, уводя её прочь от агрессивного пришельца. А девушка не думала сопротивляться. Теперь она была уверена, что дерево сможет за себя постоять.

«Лист – наружный орган растения, основными функциями которого является фотосинтез...»

– Лист, – Мила попробовала на вкус новое слово и улыбнулась от щекотного ощущения на языке. Зелёный подарок дерева она обнаружила уже дома, когда переодевалась. Он вылетел из-под кофты, спланировал на бетонный пол и сейчас лежал на коммуникаторе поверх иллюстрации к статье «Строение деревьев».

Олег мерил квартиру шагами, беспокойно поглядывая то на сестру, то за окно. На каждый его тяжёлый вздох Мила отвечала своим радостным – с деревом всё хорошо.

Но вечером коммуникаторы ожили, высветив экстренное сообщение:

«Сотни взрослых деревьев обнаружены в нашем и соседних государствах. Если увидите одно из них, держитесь на расстоянии. Растения крайне опасны, есть пострадавшие среди населения.

Мировое правительство собирает экстренное совещание и готовится к введению режима ЧС».

Глава 4

– Мелкий, у нас заказ на ремонт. Бросай свои игрушки, делом займись! – крикнул из соседней комнаты Федя.

Миша со вздохом убрал со стола странного вида трубки, выпрямил спину и хорошенько потянулся. Со скучающим видом он щёлкнул ногтем по экрану рабочего монитора, откинулся на спинку стула и стал ждать, когда загрузится картинка.

Окно запроса высветилось автоматически. Бегло пробежав глазами пункты «Причины поломки» и «Владелец дрона», Миша заинтересовался моделью робота. Что-то в бессвязном ряде символов настолько взволновало парнишку, что он отключил пульсометр на своём запястье. Пара глубоких вдохов, быстрый взгляд на приоткрытую дверь. Хорошо, братья не видели, как дрожала рука младшего, когда он тянулся к кнопке «Принять заказ».

С задержкой на долю секунды дрон-курьер поднялся с оборудованной за окном площадки, развернулся и полетел за пострадавшим коллегой. Ему потребовалось полчаса, чтобы обернуться в оба конца. За это время Миша сгрыз ноготь на большом пальце и принялся за указательный.

Куча металла, которая раньше была роботом, попала в комнату через специальную дверцу. Осторожно, боясь повредить уцелевшие микросхемы, парень переложил дрона на рабочий стол. Замер над ним, словно над живым существом, тронул пальцами искорёженные лопасти, приложил ладонь к ледяной пластине аккумуляторного отсека.

Это был обычный ритуал перед ремонтом, но сегодня он таил в себе особый смысл. Миша оттягивал момент, не решался вскрыть капсулу, спрятанную под левым боком машины.

Случилось ли то, чего он так долго ждал? Верно ли рассчитал толщину капсулы и смещение центра тяжести?

Чтобы получить ответы, нужно было лишь отогнуть деформированный металл.

Поддев отвёрткой острый край, парнишка заглянул внутрь. Сначала просто осмотрел полость, потом взял фонарик и хорошенько осветил каждую стеночку. Капсула была пуста.

Сдерживая крик ликования, Миша прикусил губу и основаниями ладоней закрыл глаза. Получилось!

Стук в дверь оторвал Олега от работы и привлёк внимание Милы. Удивлённый мужчина прошёл в коридор, на ходу махнув сестре: «Скройся!», дождался, пока та вернётся в свою комнату, и нажал кнопку видеоконтроля.

В холле стоял незнакомый парнишка. Олег пригляделся к незваному гостю, заметил у того в руках дрона и удивился ещё сильнее. На его памяти люди никогда не работали в доставке, роботы полностью заменили их, кажется, лет сто назад. К тому же концентрация синтокса на улице была ниже, чем в помещениях. Человек мог свободно находиться снаружи минут двадцать, а после становился вялым и сонным. Те, кто вынуждены были надолго покидать свои дома, всюду таскали с собой баллоны со сжатым синтетическим кислородом и это не добавляло прогулкам удовольствия.

Неожиданный визит незнакомца наводил на самые странные мысли. Однако выглядел парень безобидно, а Олег был сильно заинтригован, так что дверь всё-таки открыл.

– Здравствуйте! – заулыбался гость. – Вы удивитесь, но я принёс вашего пострадавшего.

Он протянул хозяину квартиры починенную машину и ещё шире растянул губы в улыбке.

– Спасибо, – не очень дружелюбно буркнул Олег, забирая дрона.

Это не смутило парнишку.

– Понимаю вашу растерянность, но сейчас всё объясню, – затараторил он, – видите ли, я заметил, что с вашего адреса частые заявки на ремонт. Наверное, это прозвучит странно, но я могу дать несколько уроков по пилотированию. Бесплатно.

Повисла неловкая пауза, во время которой визитёр выжидающе смотрел на хозяина квартиры, а тот в свою очередь пытался понять смысл шутки.

После долгого молчания Олег странно дёрнул головой и сбивчиво заговорил:

– Нет... В смысле... я не пилот. Это всё моя сестра.

– Мне неважно, кого обучать, – пожал плечами парнишка.

В голосе Олега зазвучали подозрительные нотки:

– А вам с этого какой резон?

Гость махнул рукой и рассмеялся:

– На ремонт уходит слишком много времени. Пока я чиню одного вашего дрона, мог бы собрать половину нового. Понимаете?

Мужчина сжал губы, усмехнулся и кивнул. Тема денег и выгоды была ему ближе про-
странных рассуждений.

– Мне интересно ваше предложение, но вот сестра...

– Я согласна! – крикнула Мила из комнаты, с головой выдав своё присутствие и любопытство.

Пока брат не успел ничего сказать, она выхватила из его рук дрона и выскочила из квартиры, на ходу кивнув странному визитёру. Попрощавшись с Олегом, Миша последовал за девушкой.

В кабине лифта оба неловко молчали. Мила теребила рукава кофты, Миша просто смотрел перед собой, стоя с неестественно прямой спиной. Холл пересекли в такой же тишине, и только за стеклянными дверьми девушка выдала своё волнение шумным выдохом.

Дерево, огороженное полицейским забором, одиноко перешёптывалось листьями и казалось беззащитным на фоне бетонных стен.

Шелест стал мягче, когда вышли Миша и Мила. Кажется, даже ветви потянулись к ним, чтобы поприветствовать. Но молодые люди будто договорились не смотреть в сторону дерева – Мила изучала окна дома напротив, а Миша наблюдал за ней.

Вчера, ремонтируя дрона, он позволил себе нарушить закон о тайне личной жизни и подключиться к видеофайлам. Камеры в машины ставили крошечные и очень прочные, даже после падения с высоты в сотни метров те продолжали работать и записывать информацию.

Груда металла, провалявшаяся целый вечер в углу хозяйской квартиры, стала невольным свидетелем и доносчиком.

Парень несколько раз пересмотрел тот кусок, где темноволосая девушка разглядывала зелёный лист. Приближала к глазам, нежно обводила пальцем края и жилки. Но самым главным для Миши было то, что при этом она улыбалась.

Вот только положиться всецело на слабую догадку он не мог. Всю ночь не спал, ворочался в своей кровати, а утром придумал уловку с обучением.

Ну вот, выманить девушку из квартиры ему удалось. Что дальше? Спросить: «Как тебе дерево? Кстати, знаешь, откуда оно здесь?»

Так себе идея. Если Мила сообщит в полицию, Мишу закроют лет на сорок.

Да-да, он интересовался. Для подобных случаев в законе существовала статья «За нарушение основополагающих и общепринятых норм жизни». Глупо было попасться сейчас, когда его мечта, наконец, начала сбываться.

Опрометчивость Миша уничтожил в себе лет десять назад, поэтому решил действовать не спеша. Ещё раз оглядев пустынную улицу, он с вызовом посмотрел на свою новоявленную ученицу, поставил дрона на асфальт и скомандовал:

– Запускай.

Не решаясь поднимать машину в воздух среди жилых домов, Мила робко уточнила:

– Разве мы не пойдём на какую-нибудь специальную площадку для обучения?

Раньше она пилотировала с высоты своей квартиры и сразу уводила дрона вверх. Над крышами не было опасных стен и окон, разве что другие дроны, но ведь ими тоже кто-то управлял и всегда был шанс уйти от столкновения.

С земли поднять машину под облака, ни во что не врезавшись и ничего не повредив, казалось Миле невыполнимым.

Миша наблюдал за растерянностью девушки и чувствовал, как губы растягиваются в усмешке. Вовремя вспомнил, что решил быть строгим, обвёл рукой окружающие их дома и сухо произнёс:

– Здесь получится эффективнее и быстрее. Просто помни, каждая ошибка дорого обойдётся твоему брату.

Девушка всё ещё медлила. Убедившись, что без стимула она не справится, Миша рявкнул:

– Запускай!

Рука на пульте дрогнула, большой палец задел джойстик, и дрон проскрежетал опорой по асфальту.

– Вверх, ну!

Все четыре металлических ножи, неуверенно раскачиваясь, зависли в полуметре над землёй.

Парень молча показал: «Выше!»

С обречённым видом Мила нажала на нужную кнопку, и дрон поплыл вверх. Когда он оказался на уровне третьего этажа, Миша кивнул:

– Достаточно. Давай вдоль улицы и обратно.

Робот лениво начал набирать скорость. Заметив изогнутую бровь учителя, девушка крепче ухватила пульт и вдавила джойстик до упора. Жужжание лопастей отозвалось таким противным эхом среди пустой улицы, что Миша скривился.

– Возвращай его, я понял, почему у тебя не получается.

Он напряжённо следил, как дрон разворачивается по широкой дуге, еле-еле вписываясь в пространство между домами. Только когда машина взяла обратный курс, Миша позволил себе расслабиться.

Следующие полчаса он показывал Миле комбинации кнопок на пульте и учил ими пользоваться. То и дело оба дышали синтоksom из баллонов, но завершать занятие не спешили.

Когда у девушки в десятый раз получилось чисто провести дрона вдоль всей улицы, выполнить резкий разворот и экстренно затормозить, Миша снисходительно похлопал ей и произнёс:

– Отлично. Теперь экзамен. Подними его повыше, а потом урони вниз.

Решив, что парень шутит, Мила хохотнула:

– Тебе же снова придётся его чинить, а нам вызывать асфальтоукладчиков.

– Зачем об асфальт? – покачал головой Миша. – Разбей его об это...

Девушка побледнела, проследив за взглядом учителя, а он продолжал подначивать:

– Не переживай, если повредишь машину, я подарю вам новую, получше. Зато, если сможем разнести дерево в щепки, получим благодарность от правительства.

Пальцы Милы немели, пока она поднимала дрона вдоль ряда одинаковых окон. Медленно. Невыносимо.

Вот и их с братом квартира осталась ниже, а девушка продолжала давить на кнопку. Последние этажи, крыша, облачная дымка – дрон то терялся в ней, то снова выныривал и всё летел дальше, вверх.

– Хватит уже!

Миша оказался за спиной Милы, перехватил пульт поверх её рук и пустил машину вниз.

Вой растревоженного воздуха слился с криком девушки. Она мелко задрожала, попыталась оттолкнуться, освободиться, но это не сработало. Только удар головой помог ей избавиться от захвата. Миша взвыл, управление снова оказалось у Милы, пальцы до боли впились в кнопки экстренного торможения.

Дрон пролетел ещё несколько этажей, замедляясь, и в итоге завис метрах в двадцати над деревом.

– Оно ничего тебе не сделало, – процедила сквозь зубы девушка.

Услышала, как Миша охнул, потирая ушибленное место, и злорадно понадеялась, что попала в нос. Только вот вся смелость куда-то подевалась, когда парень подошёл к ней и встал рядом.

Он мог сдать её полиции. Даже если раньше в законе не было предусмотрено статьи за защиту растений, для Милы такую могли придумать.

Не зря Олег просил сестру держаться подальше от дерева. Знал, что она, непутёвая, обязательно нарвётся на неприятности...

– Дрон не навредил бы ему.

Мила не сразу поняла, что это говорил Миша, голос его звучал еле слышно. Девушка повернула голову, чтобы посмотреть на этого странного человека, и с удивлением увидела, что тот улыбается. Сдавленно пискнула:

– Почему?

– Жёсткая кора. Я семь лет скрещивал самые крепкие виды деревьев, чтобы вывести этот.

Пока девушка хватала ртом воздух, Миша запустил руку в карман ветровки, выудил что-то и молча протянул ей.

На раскрытой ладони лежал бледный, увядающий, но самый настоящий цветок.

– Не все мои растения созданы для защиты. Некоторые просто для красоты. Я покажу... Если ты захочешь.

Глава 5

Мила молча шагала за Мишей по незнакомым улицам.

Второй раз за всю жизнь она оказалась так далеко от дома. Первый был в день её рождения.

Этот естественный процесс до сих пор требовал присутствия врачей, и, как ни пытались власти сделать его дистанционным, ничего у них не получалось. Редкий случай поражения прогресса в войне с природой.

Поворот. Который по счёту? После пятнадцатого Мила сбилась. Просто увидела очередное дерево и забыла обо всём – так одиноко оно стояло среди гор бетона, огороженное полицейским забором.

Куда этот парень её вёл? Разве не глупостью было пойти за человеком, которого узнала пару часов назад? И если сейчас она развернётся и бросится бежать, сможет ли найти свой дом?

Шаги стали медленнее. Миша продолжал идти, Мила потихоньку отставала. Ещё чуть-чуть и она бы свернула в переулок, чтобы спрятаться, скрыться, но тут асфальт перед ней глухо раскололся. Распух пористым холмом, раскрылся, подобно цветку, и из его центра появился тонкий, почти прозрачный росток.

Ствол быстро вытягивался, ширился, грубел. Через пару минут дерево сравнялось в росте с Милой, а ещё через пять раскинуло ветви над её головой.

Девушка и думать забыла о побеге. Да что там побег, если даже головокружение она заметила не сразу? Слишком долго баллон с синтоксом болтался на поясе без дела.

Мила пошатнулась, рукой нащупала спасительную прохладу металла, но отстегнуть карабин не успела. Перед глазами появилось размытое пятно, похожее чертами на Мишу, а губ коснулся пластиковый мундштук.

Судорожно втянув воздух, девушка закашлялась и оттолкнула руку с баллоном. Прохрипела:

– Что это?

Отвечать парень не спешил. Усадил Милу возле дерева и теперь с интересом наблюдал за ней.

– Как себя чувствуешь? – спросил он, когда взгляд девушки стал осмысленным.

– Странно. Ощущение, будто меня что-то щекочет изнутри.

– Хорошо, – улыбнулся Миша и протянул девушке баллон. – Внутри кислород. Настоящий, не синтетический. Хочешь добавки?

Мила кивнула и сделала ещё один вдох. Теперь неторопливо, чтобы почувствовать вкус, прислушаться к ощущениям. Всё её тело покрылось мурашками:

– Почему люди от этого отказались?

– Деньги, – зло выплюнул Миша, – и борьба за территорию. Никто не хотел покупать синтокс, пока кислород был общедоступен. А деревья к тому же занимали слишком много места – двадцать процентов суши. Представляешь, сколько небоскрёбов построили, когда уничтожили леса?

Глубокая складочка появилась над переносицей Милы, когда она подняла взгляд к свежей зелени кроны. Губы шевелились, будто что-то шептали, но не произнесли ни звука.

Миша дал девушке несколько минут, чтобы переварить услышанное.

– Надо идти, – произнёс он наконец, – скоро здесь появится полиция.

Удаляясь от дерева, Мила ещё долго оглядывалась.

– Их же всё равно уберут, – прошептала она, – срубят или сожгут.

– Не в этот раз, – ухмыльнулся Миша.

Оставшуюся часть пути он рассказывал о селекции и особенностях нового вида растений. Девушка внимательно слушала, но поняла только три вещи.

Во-первых, у деревьев была общая корневая система, которая уже протянулась под всем городом. Во-вторых, они отлично регенерировали и быстро росли. А в-третьих, их задачей было подготовить почву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.